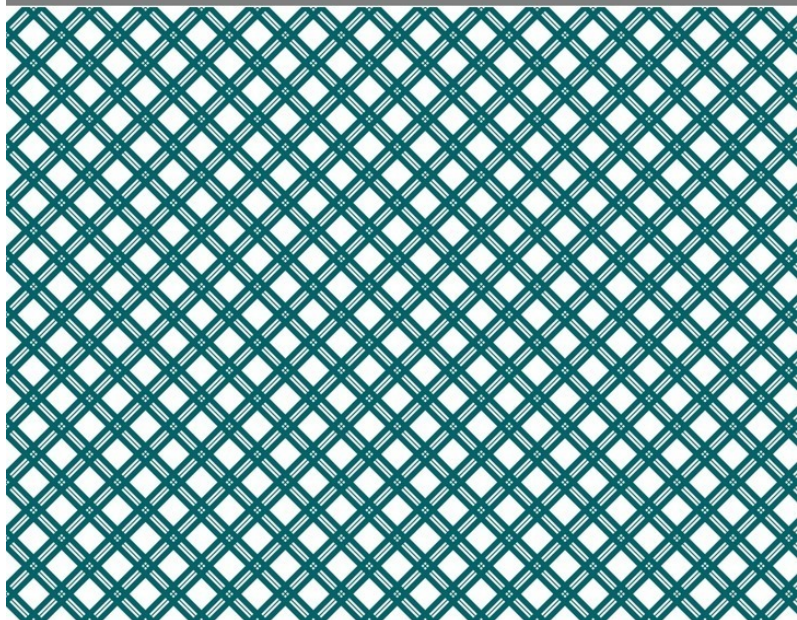

Игорь Смирнов

*Записки
падающего*

Игорь Смирнов

Записки падающего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28721208

ISBN 9785449019912

Аннотация

Повесть, следующая канонам, которые заложил Дж. Д. Сэлинджер, исповедь молодого человека по имени Марк Сидоров, три дня из его жизни.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Записки падающего

Игорь Смирнов

© Игорь Смирнов, 2018

ISBN 978-5-4490-1991-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У меня нет родных сестёр. Зато хватает двоюродных. Вот сколько: одна, две, три... Почему-то не могу сосчитать. А, неважно. Одна из них – Лида Баранова, Лида. Лидия – так называлась страна, в которой правил Крез. Сумасшедшие богатый человек; имя, значит, связано с богатством. Сейчас я не буду говорить, какое это гносеологическое заблуждение – история насчёт страны Лидия и царя её Креза, древности её, географического положения... может быть, даже самих имён... И про Лидины богатства я скажу потом, когда придёт время.

Начну по порядку; во-первых, с того, что она старше меня где-то на восемь лет. И годков этак в пять я будто бы заявлял, что, когда вырасту, то женюсь на ней. Очень может быть, в пять лет все люди, наверно, большие карьеристы, авантюристы, а также оптимисты, у всех громадные амбиции. Видимо, я был в неё влюблён, чем-то Лидка мне приглянулась.

Помню только, что она казалась мне очень красивой, самой красивой «деушкой» (я так тогда говорил) из всех, что я видел – живьём. Семьи наши дружили, часто ходили друг другу в гости; так что случалось, Лиде приходилось водиться, нянчиться со мной; играть, развлекать, утирать сопли, да и задницу, бывало. Большие подробности выудить из памяти сейчас мудрено...

Остались, конечно, снимки, фотографии – такие помутневшие, поблёкшие; в пачках, в альбомах, переплетённых в ороговевшую за давностью лет кожуру, вроде шкуры динозавра, только и они ничем не могут помочь!

Вот, например, есть один, уж на что притягивает внимание, почему-то особенно меня интригует – как раз и вставлен в такой задубевший, палеонтологический альбом – на нём только младшее поколение двух семей, выступаем, так сказать, вторым составом (что как раз об общей дружбе и говорит). Лида, её брат Вячеслав, мой старший брат Олег, ну, и я, конечно. Как раз лет в пять. А то и в три. Круглый такой колобок, стриженный, в матросском костюмчике, в специальном креслице сию, деревянном, с подлокотниками и ещё с перекладиной впереди – чтоб не выпал. Лида стоит за моей спиной. Чему-то смеётся. Я, кстати, тоже улыбаюсь, Вячеслав улыбается, один только Олег насуплен, надулся, как мышь на крупу. Лида – самая старшая из нас. Ну что можно о ней сказать – по этой фотке судя? Щупловатая, но, похоже, очень бойкая, «боевая», как говаривали тогда. Локоны свет-

лые, воздушные, мякотьные – даже тут заметно. Лисья улыбочка на узеньком лисьем лице. И всё, больше информации из этого листка не выжать. Не сможет и сам Шерлок Холмс – со всей его дедукцией и индукцией.

В принципе, той живительной крупницей истины, которой для полноты, завершённости картины как раз и не хватает, владею только я. Но... но – оказывается, всего лишь по праву наследования. Я это знал когда-то... да не когда-то, а именно тогда! – и с годами всё начисто забыл. Правда, говорят, воспоминанья, будто бы не пропадают, хранятся где-то там, в самом дальнем чулане памяти, куда доступ давно завален всяким хламом... То есть, хотя от пятилетнего Маркуши Сидорова ничего как будто и не осталось (Марк Сидоров, да, так меня и зовут, довольно дурацкое имя, совершенно не поддаётся, по-моему, ласкательному уменьшению), на самом деле, как матрёшка в матрёшке, где-то он там сидит – в том дылде, каким я стал, но чтоб предъявить его на свет божий, специалист надобен, по психологии или ещё каким человековедческим наукам, – а специалиста поблизости нет (может, и к лучшему оно)...

Мне сейчас двадцать пять – и я, кстати, до сих пор ни на ком не женился, – а что касается Лиды... честно говоря, и не знаю, сколько ей. Наши семьи давно уже не балуются культпоходами в фотоателье – ни вторым составом, ни первым. Чёрная кошка пробежала не раз, не раз и мирились... Только без возврата к первоначальной идиллии. Если она

вообще когда-либо была. Всё больше сдаётся мне, просто я был маленьким тогда. Маленьким оптимистом-идеалистом. И мало что понимал. А теперь вырос, вырос и про Лиду забыл. Она уже давным-давно замужем, мать троих детей. С мужиком ей не очень повезло... А может, ему с ней... Говорят, погуливает, хохол. Ну, а она... А у неё всё какие-то заморочки на службе, остервенела, подурнела от всех этих невзгод. Раза два дело к разводу шло... Только... только мне-то как-то до лампочки были все их дела. Как в одном древнем фильме говорили: у них – своя свадьба, у нас – своя... Если и знал что про неё, то всё от родителей. И то, специально не вдаваясь, а так – они что-нибудь гутарят меж собой, а я сижу где-нибудь рядышком и – уши-то воском не заклеены – поневоле слышу.

Родители мои – люди старого закала, не такие, как я. По-прежнему, во всё нос суют, всё про всех знают, кто там на грани развода или ещё что... Причём, добывают все эти сведения совершенно неведомым для меня способом. Я бы сказал даже, экстрасенсорным путём, если б только не знал на все сто и даже двести, что отец мой и мать – экстрасенсы, ну, совершенно никакие. Даже в моём мастаке – абсолютно жлобообразный тип – этой самой экстрасенсорности гораздо больше. Хотя, вообще-то, не верю я нынче в экстрасенсорность, ну просто совсем, начисто, как её там во всех этих дешёвых статейках трактуют – энергетика, какие-то там поля... Короче, как-то улавливают, – я уже опять про своих

родителей говорю; собирают информацию, всяких знакомых у них тьма.

Как раз они-то, с всезнайством своим, и напомнили мне про Лиду – в очередной раз. Опять эта непутёвая баба заявила о себе. Как водится, незадачливое что-то отколола – без этого-то ей, видно, не прожить. А по мне, будто из полунебытия вынырнула. Что не было её, что была... Особенно в моём настроении тогдашнем. Да вот как дело-то обстояло.

В четверг вечером приехали мои родители на побывку домой; больше недели их не было, – с дачи. Я-то всё время дома сидел, вернее, ходил на работу, ну а они – в отпуске. Но помыться-то тоже надо, продуктов захватить, в лесу у них, где посёлок, нет инфраструктуры. Ну и меня с собой взять – выходные ведь, пора картошку копать; то есть, это они думали, что пора, прямо сами не свои. Хотя повременить вполне можно было. Куда там! Их разве вразумишь, всё время надо нестись впереди паровоза...

Сидели за ужином, плели что-то всё про свой огород, про дачные дела. Оно и понятно, другим новостям не откуда вроде взяться – ни телефона, ни телеграфа в посёлке-то нет. «Картошку надо будет в корзины положить, пусть попродукует, – это мама говорила. – Синеглазку отдельно...» – «Фотиевы за клюквой уже ездили, – говорил отец. – Мало, да и белая ещё... В ящике навозном доски сгнили, как выгребем, надо будет заменить...» – «Ну, ну, хороший разговор, – оценила мама, – как раз к еде...» – «А, чего такого!.. Хотя Ген-

ка бы Ершов сразу бы убежал из-за стола...»

А я жевал молча, про впечатлительность Генки Ершова знал достаточно, больше, чем нужно, вообще же – меня как будто и не было здесь... По крайней мере, мне так самому казалось.

И тут как-то резко они перескочили на другую тему – хотя, в общем-то, в переходе этом ничего резкого и не было, внимание обращающего на себя. Говорили-говорили, и вдруг точно также, всё тем же тоном, с той же скукой в голосе начали говорить о другом, к даче совсем не относящемся.

«А что Маруся-то теперь делать будет?» – спросила мама как бы между прочим, как бы невзначай. Посторонний человек даже и не заметил, не понял бы ничего.

Маруся – это вообще-то мать Лиды, сестра отца.

«Не знаю, – фыркнул тот. – Говорит, денег больше не дам. Пусть сама, как хочет, так и выпутывается».

«А велики ли деньги-то?» – полюбопытствовала мама, всё так же спокойно-ровно, будто из приличия.

«Да так, – отец сначала покривился, покривился, а потом всё-таки ответил, выдал солидно: – Миллиона два».

«Недостача?» – Я, как сидел, опустив голову вниз к столу, так же исподлобья быстро поглядел на них обоих – они располагались по разные руки от меня, друг против друга, а я был меж ними посредине; в общем, подал голос, осторожно так.

«Да, недостача... – буркнул отец. И тут же повернул на совсем другое, снова меняя тему: – Кажется, опять клапана стучат; приедем, надо подрегулировать...»

«Так ты ж вроде не так давно...» – удивилась мама.

«Ну и что...»

Ну что ж, и я тоже – уже снова был отсюда далеко, далеко от них, хотя – и не слишком-то, если быть точным; сгорбясь над тарелкой, переваривал только что услышанные весьма скудные слова – по-бытовому хитро закодированное, оборванное, без начала, без конца сообщение про Лиду, про очередную её напасть. Недостача. Это было типично для неё. Лида работала не то буфетчицей, не то кладовщицей, – я так и не понял, одно лишь уяснил: к работе этой она призвания не имела. Недостачи достали её. Вернее, её родителей. Они ведь выручали её всегда. Хотя оба уже были пенсионеры.

«Вот же и не задумывается, – подумал я, – тянет да тянет...»

Мне бы такую же нахрапистость, такую же твердолобость.

Сегодня очень ловко, может быть, как никогда ловко, я своих родителей провёл... Сказал им, что не могу завтра поехать с ними на картошку. А они и поверили. Прошло, наверно, уже часа два.

...Они только что приехали, когда я шёл из магазина – с работы возвращался, и я издалека увидел наш потрёпанный вишнёвый «жигуль». Шагая, я думал – как всегда в последнее время – одну свою думу... вернее, думал-то, может,

и о разном, но всегда на один манер – как бы беседовал мысленно с одним человеком... или, может быть, письмо ему писал. Его Мандро зовут, я его так назвал однажды, про себя... Почему именно так – сам не знаю. Имя, конечно, книжное, я бы даже сказал, очень; Мандро – человек и книжный, и в тоже время самый что ни есть всамделишный, живой, живёт он далеко отсюда, и я не хочу пока что настоящее имя его раскрывать. А письма я пишу ему довольно часто... мысленные. И выходит всегда очень складно, слова приходят сами собой. Так и в тот раз было; только закончить послание не пришлось. Пресеклось вдруг на очередной фразе, аккуратно так, чётко, спокойно, как если б радиопередачу кто-нибудь приостановил – по техническим причинам или там вообще, для экстренного сообщения... Короче, я вообще о чём-либо думать перестал. Ну, может быть, пока ехал в лифте, то отметил, что очень уж загажен лифт – пластмасса, прикрывающая лампочку, и кнопки пожжены все; и ещё какая-то мелькнула мыслишка: надо бы начать ходить пешком, – живём мы не так чтоб уж очень высоко – на четвёртом этаже. Пора и о здоровье подумать, стал уже жиреть... В общем, я как бы сгруппировался внутренне, хотя и сам ещё не понял – для чего. Не было у меня никакого плана, никакой задумки, так – настроение...

Вошёл – родители шуршали авоськами на кухне. Ну и я тоже стал разгружать свою. «Привет», – на ходу бросил и – к холодильнику. «Здорóво», – не глядя на меня, просопел

отец, грязные банки в раковину выставлял, а сам весь зарос седой щетиной, отчего лицо тоже казалось нечистым. Зато мать, как на параде, повернулась всем корпусом: «Здравствуй, Марк!» Я – эти торжественные нежности уж очень худо переношу – пригнул голову. Как раз и в холодильник глядел, вглубь. А отец как будто почуял, не сходя со своего места, по голове этой вопросом – бабах! «Бутылки-то сдал?»

«Н-не, не сдал...» – только сейчас вспомнил я про его наказ; в авоське запутался, хлеб оттуда доставая.

«Забыл?» – догадался отец, усмехнулся, всё так же в раковину уставясь.

«Забыл...» – виновато сознался я. Был бы их целый рюкзак, а то – от силы штук пять, раза три пили с ним пиво... Но не в количестве дело, отец не хотел, чтоб я расслаблялся, как он говорил. В последнее время он очень был мной недоволен – тем, как вообще живу. И только из деликатности, может быть, (да и собственной гордости, конечно) не называл недоделанным. Услыхал однажды по радио песню «Агаты Кристи» «Дворник», по нашему местному радио, конечно: «Дворник, милый дворник, подмети меня с мостовой...» – и не выдержал, бросил в сердцах: «Песенка-то как раз про тебя, парень!..» Вот он и пытался всё муштровать меня, по мелочам...

А сейчас он заурчал под нос себе какой-то мотивчик, по обыкновению, без мотива – слуха-то у него нет – что-то бодренькое, как будто обрадовался – недоделанности моей,

своей проницательности, что ли; уж не знаю. И как чёртик меня ущипнул...

«А я работаю в выходные...» – протянул я, на всё той же ноте, понуро, – подделываться не пришлось.

«Как это? Вот так да! – вскинулась мать. У неё лицо пятнами пошло. – Что тогда...»

«Работаешь?» – повернувшись ко мне, остро взглянул отец.

«Да, – буркнул я, убрав взгляд в сторонку, куда-то на холодильник, на верхний дальний угол. – Машзал сгорел. – Я перевёл дыхание. – Теперь надо восстанавливать».

«Ваш машзал?» – отец нахмурился.

«Не-е, – я мотнул головой, – не наш...»

Начал объяснять, какой, даже входя в подробности, но как-то быстро выдохся и остановился, даже посмотрел, устало, в его недоверчивые глаза.

Это была правда. Почти правда. Машзал в самом деле сгорел. Только вот я... Да, мастер уж было назначил послать меня от участка в сводную бригаду, но – потом одумался. А мне, мне это всё равно как-то помогло сейчас... соврать по всем канонам реализма.

Если отец вдруг надумает соратникам своим позвонить (работаем мы в одном цехе, даже в службе одной – только разные участки: сам же и привёл), то они, конечно, подтвердят: да, сгорел, да, восстанавливают... Или встретит кого-нибудь завтра – вечно попадаются ему... А про меня толь-

ко мой мастер знает наверняка – ремонт круглосуточный, народу согнана тьма, даже с других цехов. Но с мастером моим отец как раз и не накоротке – со всем цехом вась-вась, а тут – в порядке исключения, что ли.

«Ну и как теперь будем картошку копать? – возмущалась мать тем временем. – Ну, а пойдут дожди...»

«Ладно... ладно... Выключи... выключи радио, – оборвал её отец. – Сами... выкопаем сами».

Он поверил, подумал я. Считает, что я наконец-то взялся за ум, что у меня опять какая-то перспектива есть (может быть, даже пойду по стопам старшего братца – начальника – которого они вечно ставят мне в пример!), ведь пустых-то людей в дело не берут...

А через месяц – полмесяца! – выйдет из отпуска, поймает мастера моего где-нибудь в пролёте: «Марка-то моего загружаешь!» – а тот сделает восьмигранные глаза...

«Ну как там, на даче-то?» – квёло поинтересовался я, табуретку подтащил к себе, опустил – страсть как устал.

Мама кинулась новости перечислять, как будто лишь этого и ждала: «Ты знаешь, у Фотиевых тина такая высокая выросла, кокнули, а на крайней грядке, которая у леса, картошки-то уже нет...» – а отец, выдув без передыха подряд два стакана водопроводной воды, потопал на выход, отводить машину в гараж. Меня к этому делу он когда-то пытался приучить, пока я не свернул бампер в воротах, и с тех пор с собой не берёт, без настоящей нужды: мешок в кессон спу-

ститъ или, наоборот, поднять что-нибудь, опрокинуть на бок прицеп. А мне как-то не по себе, когда он там один, особенно в малолюдное время. Это после того известного случая, когда чувырло какой-то не то майора, не то полковника убил, чтоб на «восьмёре» его покататься; километров десять проехал да и бросил.

Отец ушёл, а мы с мамой остались готовить ужин.

«Что мне-то делать?» – хмуро спросил я. Мама как раз встала на колени перед столом-тумбой, створки распахнула, голову – внутрь и бормочет что-то оттуда – есть у неё такая привычка: под нос себе бормотать.

«Что? – она высунулась из-за дверцы, улыбнулась мне. – Как ты хоть жил-то здесь один? – И вдруг тут же нырнула обратно. – Фьють! А спагетти-то и нет! Съел, что ли? Ты что, всё на макароны нажимал?.. Надо было хоть гречку варить... Придётся сейчас гречку... Она такая сорная... Вот, как надо быстро, так и нету... Надо новую гречку купить... Неужели ты один все макароны... все спагетти съел?» – она опять вывернула из-за створки ко мне, посмотрела строго.

«Один, а кто же ещё... – буркнул я. – Да немного их было...»

Все вечера этой недели я просидел безвылазно дома один – с понедельника это и началось. И ведь не было ни облачка – окно моей комнаты выходит на закат. Когда солнце стоит в небе перед своим паденьем, по-летнему щедрое, кажется, что все печали этой жизни уже завершены, впереди

только покой и свет, такой же ясный, как этот...

И вдруг я полез копать в книжках – уже сам по себе нехороший симптом.

А то, что понадобилось мне, даже не вполне можно было назвать книжкой. Ничем не скреплённая стопка листов с односторонней и довольно-таки слепой печатью – первая часть бестселлера Карнеги (всего-то их, кажется, три), пропущенная через множительный аппарат. Одна материна подруга работала на множительном и копию эту ещё в незапамятные времена принесла. Тогда мы и не задумывались – первая это часть или так, вообще. Это сейчас Карнеги этот выложен на всех углах, а тогда всё было в дефиците, помню, классе в восьмом, отстоял очередь и взял уже не Фенимора Купера, не Александра Беляева, а какие-то рассказы писателей из ГДР и все равно был очень доволен. А подруга та матери, кстати, очень рисковала; шумное было дело, даже с газетной статьёй, когда накрыли группу у них в множительном, – копировали Булгакова и т. д. Кое-кто даже срок схлопотал, кто химии, кто условно, – а её, мамину приятельницу, как-то упустили; может, Карнеги этот, несчастный, у неё был единственным прегрешением, в отличие от других.

Валялся он, валялся этот Карнеги у нас, пачка эта, то тут, то там, вечно под руку попадал, несколько лет, а потом взял да и пропал куда-то. Нет его. Нет и нет – тоже сколько-то лет. И, как говорится, бог с ним. И вот теперь на меня нашло – в этот самый вечер, в час небывало погожего и безмятежного

заката, — дознаться, выяснить, где этот самый Карнеги всё-таки лежит. Куда он там провалился, где закопан. Вот и всё вроде бы, и только-то. А не то что бы — ещё и почитать его, — упаси господь. Хотя — если найду — чем чёрт не шутит. Только ещё сперва надо найти.

Поиски начал я со своего шкафа — так называемого моего книжного шкафа; потому что он в моей комнате стоит, и я его, в основном, заполняю (часто, к неудовольствию родителей). А есть ещё и другой шкаф, в большой комнате, который укомплектовали они, главным образом, когда я был ещё маленьким.

Мой шкаф мне, как пять пальцев, знаком, но я решил этой его изученности не доверяться. Книги там поставлены в два ряда. Мало того — наложены поверх, просветы между полками забиты, местами — стопка томов подпирает следующую полку. Вот эти наслоения я и вскрыл. Хотел провести ревизию на скорую руку, без особых трудозатрат и больших извлечений: вынимал несколько книг и заглядывал внутрь. Горячился и вытаскивал книги не по одной, а пачками, для скорости; они, естественно, не помещались в руках, да и надо же было как-то раздвигать получающееся окно, и я зажимал книжки меж колен, опускал на пол — хотя это уже и сбивало темп; временами из моего захвата вырывались несколько томов, валились на криво возведённые внизу вавилонские сооружения, всё это рассыпалось по полу... Довольно нервное занятие, доложу я вам.

Само собой, я перекопал и цокольный отсек для всякой канцелярщины – трюм шкафа, там я держал тоже книги. Вот именно, книги, а не какие-нибудь листки.

Короче, Карнеги в своём шкафу я не обнаружил, только развёл вокруг него знатный кавардак. И не успел я подумать, что теперь надо бы этот бедлам ликвидировать, как мне явилась совершенно полярная, но светлая, как показалось в тот момент, мысль – о продолжении поисков, а именно о том, что перспективным местечком может оказаться тумбочка моего письменного стола. В выдвижных ящиках её совершенно без движенья костенел всякий хлам – года три я к ним не прикасался. Честно говоря, я и не помнил, что бы Карнеги туда клал, – а положить мог только я. Но меня это не слишком смущало (да я уже говорил), я теперь больше полагался на свою забывчивость. Великая вещь, последний оплот склеротика... Это я сейчас так шучу, увлёкся... А тогда я тоже увлёкся – но другим. Выгребанием из ящиков.

Один вытряхнул, вытряхнул другой – пенальчики, расколотые ручки, транспортиры, треснувшие линейки, катушки без ниток, разрозненные части часов, какие-то листки в самом деле (но не те), старые конверты, тетрадки... И я вдруг заинтересовался одной.

Это была общая тетрадка этак на девяносто с чем-то листов, в бурой обложке из клеёнки. За десятый класс, по английскому языку – это явствовало из надписи, – но вот в чём петрушка: не моя. Это была не моя тетрадь – Сашки Ско-

робогачёва. Да, мы с ним ходили в один класс. И не то чтобы дружили... Правильнее сказать, мы с ним не ссорились. Нормально друг к другу относились. Но всё равно, как она попала сюда? Я и свои-то тетрадки повыбрасывал все давно... в макулатуру сдал... за всякие там «Королевы Марго» и «Современные детективы». Чтоб их потом на разных Сэлинджеров, Роберов Мерлей, Умберто Эко поменять – был такой обмен... Но эту-то как сюда занесло?

А она уже перелистывалась в моих руках, почти что сами собой переворачивались страницы. Шли всякие упражнения, стандартные фразочки, тут же – тройные столбцы слов, транскрипции и перевода. «*My flat*», наткнулся я вдруг на заголовок. Случайно – а скорее всего, отнюдь не случайно! – бросился в глаза. *Моя квартира*. Так-так. *Our flat isn't large, but comfortable*¹, начал я читать. Ну да, помню я их квартиру, бывал... Совсем небольшая, это точно, двухкомнатная, а вот удобная ли... Однако попробовала бы она такой не быть! Ладно, дальше пойдём (и мысль в подтексте была: вдруг как-нибудь откроется, как Сашкина тетрадка попала ко мне). *There are many things in the living room*²... Мне сделалось немного неловко... Ну что там могло быть? А Сашка старался, расписывал, естественно, всё на английском... *There are two beds in the bedroom*³... А чему же там

---

¹ Наша квартира не велика, но удобна (англ.)

² В гостиной много разных предметов (англ.)

³ В спальне стоят две кровати (англ.)

ещё быть... Бедный Сашка и бедные его родители... *I like our flat*⁴, заканчивалось сочинение. Ну да, а куда бы ты девался. Я закрыл тетрадку и бросил её на стол. Grimаска у меня, должно быть, та ещё при этом была. Как будто нечаянно подсмотрел за кем-нибудь что-то очень интимное, физиологическое. Но не слишком-то впечатляющее, мелкое, серенькое, умеренное до жути. Да если б ещё не этот английский, ну прямо, какой-то экспортный вариант... А сам-то я сколько таких вот дифирамбов повыжимал из себя, правда, на русском: *Новый Год я встретил очень хорошо! Летние каникулы я провёл очень хорошо!* Ну и Сашка туда же... Признательность свою выразил... Сидел за table⁵ где-нибудь в living room⁶ или на kitchen⁷ и кропал. В то время как его родители смотрели телевизор.

Ну а ты-то, ты лично, – в каком ключе раскрыл эту же самую тему? – вдруг стукнуло меня. Тоже поклоны бил, налево и направо умилялся или как? Сочинения-то всем, наверно, задавали одинаковые!

И ничегошеньки почему-то я не мог вспомнить – не память, а прямо какая-то чёрная дыра. Если б жива была моя соответствующая тетрадка, если б на «Имя розы» её не променял...

---

⁴ Мне нравится наша квартира (англ.)

⁵ столом (англ.)

⁶ гостиной (англ.)

⁷ кухне (англ.)

И я выволок очередной ящик и, как золотоискатель – сито, начал его трясти, искал Карнеги или ещё что... И следом ещё один – последний.

Но безрезультатно. Не подтвердилась моя светлая догадка, смелая моя мысль. А впереди был так называемый шкаф родителей и, кроме того, – кладовка. О, кладовка, кладёзь всяческого хлама! (Вот с чего надо было начинать!...) Однако груды моей детской ещё дребедени, полуразрушенные башни книг на полу взывали ко мне – всё-таки надо было сперва прибраться. Наконец-то родичи выдрессировали меня. Это когда-то было – хоть кол теши на голове: «Марк, когда у тебя кончится этот бардак! Когда у тебя будет порядок!» А теперь я сам ставил его превыше всего, я был дисциплинированным.

И я водворил всё назад – кидал, как придётся, в ящики стола все эти недобитые часы и транспортиры; а в шкаф старался возвращать книжки на их прежние места, где привык видеть, – получилось недурно – уютно, симпатично – так же примерно, как до всей этой революции.

Этим-то вечер, собственно, и закончился. Или же я ещё что-нибудь вытворял? Трудно сказать. Вот память, память... Хотя, может, дело-то и не в памяти.

А чем я занимался в остальные дни? Ещё более глухая головоломка. Ведь в понедельник-то у меня ещё была хоть какая-то задача, какая-то цель, что-то там я искал, передвигал, ронял, вытаскивал, строил... А потом... а потом уже про-

сто валилось всё из рук, за что бы ни брался. И вот ведь какое было ощущение – что виновата в этом проклятая Сашкина тетрадь. Не попадись она мне... Между прочим, её-то я почему-то оставил на столе, в ящик не засунул. Ну, на всякий случай, что ли. И листал потом. Да только ничего такого особенного больше не вычитал. В том числе и в *My flat* – уж фитюльку-то эту я, как шараду, разгадывал вдоль и поперёк. Только там не над чем было ломать голову. Школярское сочинение, действительно **flat** – совершенно плоская штука⁸, ещё и с ошибками. В общем, дьявольщина, мистика какая-то. А неделя-то между тем пошла наперекосяк, да...

Давно не выдавалось такого невезенья. Ну, ясно же, не хочешь и не можешь ничего делать – ложись спать пораньше. Чтоб этот день, незадачливый, поскорее закончить и начать новый, совсем другой. Так ведь и тут полный облом. Ложиться-то я, конечно, ложился... только спать тоже совсем не мог. Не мог и не хотел! Крутился, наматывал обороты, чуть не до двух часов. Парадокс! Утром едва-едва отрывал себя от постели, как ещё вообще слышал звонок! Будто заново воскресал – но с каким недоумением... А на работе весь день искал места прикорнуть. В надежде на вечер. А вечером...

Вот так я неделю провёл.

...Эту неделю я провёл очень хорошо...

Примерно так я матери и сказал. Нормально.

---

⁸ flat (англ.) – плоскость, плоская поверхность; плоский

А потом в коридоре зачмокал открываемый замок, с коротким рывканьем отворилась тесно притёртая дверь, – вернулся отец, гремя башмачищами. И мы сели ужинать. И я узнал про Лиду...

Новость эта, как бы это сказать... она ещё раз ткнула меня носом, ткнула в моё сегодняшнее враньё. Как будто я ещё о чём-нибудь мог думать! А про Лиду я моментально забыл, тут же, про все её подвиги и паденья.

Мы сидели втроём, чай пили. Он был такой горячущий, что я решил переждать, остановиться, не понимал, как это можно выдерживать? – хотя, вроде бы, как раз такой и люблю. А родичи, ничего, пили. Мать прихлёбывала сосредоточенно из блюда, отец с шипением – тоже ожигался – упорно тянул прямо из бокала. А я поверх своего, дымящегося, воровато поглядывал на них... У обоих лица были набрякшие, усталые.

Как у ломовых лошадей, вдруг подумал я. Вот тоже, пришло ещё сравнение! Ничего лошадиного в нашей породе вообще-то нет. В том смысле, что все мы круглолицы, ну, я, правда, годами ещё не вышел, а родичи – так те даже чересчур. Но суть-то не в этом... А просто мне жутко стало. Что я наделал-то!.. Но всё можно ещё исправить. Я дам им шанс – ведь не зверь же я...

Пусть вспомнят, что завтра за день. Вспомнят – и мой аврал отменяется. Липовый аврал. Утром же позвоню. Чтоб дождались меня. Поедем вместе.

А не вспомнят... Что ж, останется всё как есть.

Вот так. Толковое условие. Соблюдён, так сказать, баланс... и волки, и овцы, лёд и пламень, и лань и лошадь Пржевальского...

День рождения бабушки – вот что завтра за день.

Бабушка жила с нами. Она уже десять лет как умерла. Была она женщиной властной, дородной. Муж её, то есть мой дед, пропал без вести в первые же месяцы войны (отец мой родился за год до её начала, а мы с братом были у родителей поздними детьми, даже Олег, а уж я – подавно). Короче, бабушка так на всю жизнь и осталась вдовой.

Именно она поила нас с Олегом чаем по утрам, отправляла в школу, на всех варила обед, а по праздникам – обязательно пекла пироги. Очень существенным мне представляется сейчас, что она, именно она, определяла дни осеннего утепления окон и весеннего их мытья, то есть, чуть ли не разрешала временам года друг друга сменять (так мне и казалось, когда был совсем маленьким). Но *день её рождения* мы почему-то никогда не отмечали. Даже не помню, поздравляли когда-нибудь её? Я не поздравлял точно. Может быть, не видел, как это делали родители? Может быть, это происходило без меня. Не исключено.

Лет через пять после её смерти я вдруг заинтересовался, спросил у мамы, а когда бабушка родилась? Мама ответила, а я записал в дневник – в ту пору я дневник вёл. Потом бросил, потому что писал туда в основном разную му-

ру... Сейчас читать стыдно. Я ведь во время своих розысков в понедельник и на дневник наткнулся. Попутно среди детских сокровищ. Дохленькая такая общая тетрадочка – Сашкиной гораздо хилей. А я и туда заглянул. Бог ты мой, что это за записи! *«Пообедал, сейчас слушаю музыку»*. Или: *«Сего дня довольно тепло, светит солнце»*. Ну просто сокровища человеческой мысли. И среди этого достояния мирового разума вдруг короткое сообщение нашлось: «Сидорова Мария Ивановна, родилась...» Попало на глаза. Как и всё остальное в тот день, конечно, случайно...

Да-да, какое-то уникальное стечение обстоятельств, сначала эта заметка в дневнике, а потом – пожар. Или наоборот – пожар и день рождения бабушки.

Давайте, давайте, серые клетки напрягите, – что-то такое думал я, поглядывая на родителей. «Успеть вспомнить» – был такой, американский, конечно же, фильм.

«Спасибо», – буркнул я, так чай свой и не допив. После армии стал дома благодарить за обед-ужин – то ли дом подменили за это время, то ли меня. Встал, поплёлся к себе в комнату. Там – постер над письменным столом, «Битлз», чёрно-белые такие круглоголовые ребята, выстроились уступом и уставились на тебя. Мол, чего ты нас здесь держишь, повесь лучше портрет Пита Беста, раз до Сатклифа не дотянул, не дорос (застарелая острота, вот привязалась). Вообще, правильно, надо бы этот плакатик снять. А ещё там книжный шкаф, о котором уже говорил, и рядом здоровенное кресло –

стоит в ногах кровати, четырёхногое чудище цвета августовской листвы, двоих запросто вместить может. Я и плюхнулся туда, а перед этим из шкафа книжку взял. «За миллиард лет до конца света» братьев Стругацких. Уж несколько раз я брался за неё, и всё в самом непреклонном настроении, но пока дело шло худо – потому что я как будто вообще разучился читать. Перестал получать от чтения удовольствие. Любая книжка казалась мне теперь чёрствой, сухой. Ну, это как хлеб – попало мне у одного писателя, ещё в прежние времена, сравнение, про английский хлеб – мол, как жжёная резина. Вот такой жжёной резиной всякая книжка для меня и была. Но прочитав эту, «За миллиард...», одолеть её во что бы то ни стало – на то у меня особый был резон. Я эту книгу познать хотел как бы вместо другой, пока для меня недоступной. Кстати, английской, одного британского писателя. Я даже не был уверен, что она на русский переведена. А оригинал, есть ли он даже в библиотеке? Добыть-то, может быть, и не штука, да ведь, с моим-то английским, только сочинения типа «My flat», разбирать, дай бог. Так что об этом романе я пока только слышал. Ну, как это с книгами бывает и среди книголюбцев – нечто сказанное как бы вскользь, мимоходом, но интригующее до крайности: намёки какие-то, обрывочный пересказ, тут же – сопоставления с прочей литературой. Мол, будто бы он, роман этот, кое в чём схож с повестью Стругацких (как будто повесть их уж непременно читали все!); и там и там затрагивается в общем-то один и тот же

фундаментальнейший вопрос (то, что он фундаментальнейший, я, может, только сейчас и понял; прямо-таки самый жгучий вопрос для меня). Вернее, это у Стругацких проблема всего лишь затрагивается, ну, и не больше – а там указывается, будто бы, и решение, какой-то выход... Такая, в общем, реклама, самая лучшая, – чужая горячая, хоть и тёмная молва. Так что хотел бы я эту книгу почитать, может, её единственную. Но – за неимением горничной е... ут дворника – грубо, но метко – говаривал наш комбат. Вот и я тоже, читал Стругацких, хотя бы намётки ответа у них высмотреть хотел.

И пока получалось не слишком-то. Не возникало впечатления, что это – как раз то, чего мне не хватает, что это – мой воздух, вода и хлеб, что это, по крайней мере, как-то и меня касается. Научная и околонаучная кутерьма, происки сил зла, тёмных-то тёмных, но уж преувеличенных чересчур. По моему мнению, чтобы отдельно взятого человека с толку сбить и превратить в ничтожество, совсем не обязательно затевать вокруг него глобальную катастрофу, пришельцев там напускать или разыгрывать чудеса – тут и *пунктика* довольно... Да ведь авторы и сами это где-то заметили, только в сторону как бы, себе под нос. Потому что ход невыигрышный. Зато меня своими эффектными ходами ну никак они не завлекли; не проникался коллизией, или интригой? – не знаю, всё больше взглядом нетерпеливо по строчкам скользил. Из соседней, большой, комнаты телевизор гре-

мел, кудахтал скандалистскими голосами всех этих Альфонсо и Дульсиной, да ещё болельщики мои подпевали им с дивана — до нормального телевизора дорвались, да и вообще, для них ведь эти страдальцы и проходимцы чуть ли не главней любой родни. Телевизор стоит на одноногой подставке в углу, рядом с входом в мою комнату; ко мне, получается, даже ближе, чем к дивану, но я не стал закрывать дверь — знаю, что родичи этого не любят. Как будто за дверью я на преступление иду. Они гигиеной, правда, прикрываются: «В квартире застой!» А у самих форточки закупорены вечно... Ну ладно. Дверь свою я нараспашку, в основном, держу — тоже полюбил, значит. Я что хочу сказать, телевизор всё равно нисколько мне не мешал, — очень уж я разошёлся в своих думах. Даже не до Стругацких стало. Начал про бабушку вспоминать и уж не мог остановиться.

Да, бабушка сейчас бы меня поняла, повторял я, я бы её понял...

Мне было пятнадцать лет, когда она умерла, и я как-то умудрился остаться в общем-то в стороне и от её болезни и даже — от её смерти. Как раз я вступал в очередной переходный возраст, а может быть, наоборот, выходил из него, были какие-то личные сложности, я влюблённостью мучился очередной. А бабушка, сама бабушка, она была слишком здоровой для своих лет (ей было под семьдесят), она всех нас приучила к мысли, что она крепкая, всегда на ногах. Болела редко. Один только раз мне пришлось всерьёз попережи-

вать за неё, – и то я был ещё маленьким, только начал учиться в школе. Бабушка тогда не вставала, лежала на кровати, тяжело дышала. Что это было? Может быть, обычная простуда, ну, максимум – грипп. Но я был очень впечатлительным. Очень. Привычку даже такую дурную имел – фантазировать лёжа в постели, перед сном. Воображал похождения всяких там Зорро... или Рэмбо... ну, Рэмбо-то, положим, ещё не было тогда; себя – в роли их; всякие там шпаги, мечи, чудесные превращения... В общем, что видел в кино, только перетасовывал на свой лад, – интеллектуально развлекался. А тут, с болезнью бабушкиной в связи, постановил: всё, не до увеселений. Вернее, я просто был в испуге: я буду баловаться, буду отдыхать, а бабушка умрёт. Нет, я тоже должен порадеть о чём-нибудь серьёзном. И я стал представлять себе битвы – страшные, ожесточённые танковые сраженья. Это было нелегко, я по-настоящему, всерьёз напрягался, я тоже был на грани того, чтобы заболеть... и ещё – я никому об этом не говорил. Никто не знал, что я в одиночку веду такую войну, что я и сам не знаю, выиграю ли... Но бабушка поправилась, и я тоже победил. И снова мог вернуться в свои эмпиреи, в волшебные и добрые рыцарские сказки и путешествия за тридевять земель...

А потом прошло семь лет... Ещё летом бабушка была бодрой и делала обычную свою работу по дому. И вдруг слегла. Осенью её положили в больницу. А потом она уже меняла их, эти больницы, одну за одной, только успевала вы-

писаться, как тут же попадала в другую. Положили её первоначально вроде бы с печенью, но потом, во время лечения, будто бы уже почки застудили... А может быть, – говорили – сказалась давняя, военная ещё простуда – бабушка в каком-то обозе работала тогда, подводу водила. В общем, с удивительной скоростью проявился у неё целый набор заболеваний, целый букет. Не берусь перечислять всё, я был от этого довольно далёк, со своими неотложными делами – научиться играть на гитаре, собрать свой небольшой электроорган, разыскать в каком-нибудь журнале очередной рассказик Стивена Кинга...

Вру, рассказы его пошли уже потом, а к тому моменту был переведён лишь роман – «Мёртвая зона». Я случайно его прочитал, – в «Иностранке». Она к нам ходила – в предыдущем году, мама выписывала. И вот уж прошло года полтора – да какое там! — почти два; это уже конец осени был или, может, начало зимы, и вдруг я на «Зону» как-то случайно наткнулся, в руки взял. О, кажется, интересный роман... Да я просто обалдел! Это было гениально!

В общем-то, вся моя недолгая предыдущая жизнь сложилась так, что к подобным книгам я просто не привык. Да подобных я не встречал вовсе! Мне даже в голову не приходило, что такие книги кто-нибудь может писать, – настолько это было для меня ново. Читал я и Гоголя (по программе), всякую чертовщину, очень давно; читал и Грина – все эти сладенькие истории с тошнотворными именами героев и на-

званиями городов; читал и фантастику, научную фантастику, от Ефремова со Стругацкими до их верных подражателей, – и тоже уже был сыт по горло всей этой умничающей чепухой. А здесь было не то, совсем не то. Может быть, как раз такую книгу я уже давно ждал – хоть и сам не догадывался. Может быть, давно уже я подозревал, что жизнь именно такая, как она показана здесь. Обычная жизнь, с рок-музыкой и... проблемами секса; жестокая, горькая жизнь; здесь иногда неожиданно везло, а иногда – наоборот, жутко не везло. Жизнь полная чудес – и чудеса были ей подстать, удивительные, жестокие; несказочные, нефантастические; я-то сразу поверил, что бывают такие чудеса, должны быть.

И я их уже пережил, ведь всё это случилось со мной; это я пролежал в коме несколько лет, а потом очнулся – уже экстрасенсом. И это я глядел теперь на людей и видел их внутреннюю суть. Это очень грустно было – глядеть на мир и всё понимать в нём.

А с романом я теперь не расставался. Перечитывал наиболее будоражающие места. С первого раза знал их практически наизусть, лучше всяких стихов (стихи всегда только и одолевал голой зубрёжкой, – долбишь, долбишь и долбишь, как попугай, пока не затвердишь), и всё равно повторял. И, конечно же, кинулся везде разыскивать, что ещё есть из Кинга, – теперь мне был нужен только Кинг, только с ним одним я был во всём согласен... – но, как я говорил, даже рассказы у него лишь потом пошли. И, хоть и был я довольно-таки

привередлив и горд, а пришлось мне довольствоваться разными заменителями. То есть, я пробовал найти хотя бы что-нибудь похожее у других. Но ловился-то в основном на самые что ни на есть вторичные и косвенные признаки, и это была не вина моя, а беда... Что называется, попадал пальцем в небо: на Ладлэма клюнул, например, только потому, что... он тоже американец и... и роман его тоже напечатала «Иностранка»! Ну, были ещё и другие проколы и приколы... Лишь один раз дал осечку этот дурацкий общий закон. Вежинов Павел, болгарский писатель, оказался Кингу сродни, тоже писал «паранормальную» прозу. Но книг Вежинова я в общем-то специально не искал, да не искал вообще, хотя имя его в предисловии к всё той же «Мёртвой зоне» упоминалось. Просто опять мне совершенно случайно повезло, как и с самим Кингом, – зашёл в магазин, а книжка там лежит. Удача в самом что ни на есть голом виде. Вот только случилась она год спустя... ещё год спустя после начала всех этих моих поисков, гигантский, чудовищный в моём тогдашнем возрасте срок. Одна за всё время.

А Кинг будто промелькнул и куда-то сгинул, как комета, как метеор (любят наши критики говорить), не было как не было. Тогда мало кто вообще даже слышал о нём. И мне самому он начал казаться каким-то сном... Хотя поначалу своим знанием о нём я просто гордился.

А потом всё резко переменялось. Настал момент, когда книжки его наконец-то запестрели суперобложками бук-

важно на всех углах. И к тому времени я разбирался в нём уже неплохо. Он был болтун. Даровитый выдумщик страшилок. Спец по общепонятному – отличный знаток всех этих безотказных там, у них в Штатах, сюжетных ходов и популярных психопатологий. Творец разных недоумков – чтоб с читателем играть в поддавки. А вся его многозначительность, *беспоощадность*, *человечность* – всё это оказалось книжным, напускным.

Но только надо было здорово-здорово поумнеть, чтобы до этого дойти. Шишек себе набить. И... в общем, я уже забежал вперёд. Начинал-то, вроде бы, с романа. Так вот, прежде всего, ещё ничегошеньки я не искал в то время, когда только *нашёл* тот роман. Целую зиму вообще не читал книг – потому что не нуждался. Хватало и одной. Отравляло чуть-чуть моё счастье только – почему «журнальный вариант»? – что ли нельзя было дать полный? А впрочем, всё равно автора я называл про себя любовно С.К.; а ещё – слушал группу «Квин», почему-то считая их многоголосье продолжением той же темы, только в музыке; удивлялся тому, как здорово мне повезло, что я одновременно к ним пришёл – к этой музыке и к этой книге... И это было как раз время бабушкиной болезни. И движения её к смерти.

Потом, не так уж и много позднее, я взялся было перечитать этот «эпохальный» для меня роман. Не очень даже скрывал, что хочу заново пережить потрясенье, и – ничего не вышло у меня... Злоключения героя били на жалость,

на чувствительность, а я-то был уже немного другой, а я-то уже немного поумнел. И потом, я чересчур хорошо помнил сюжет. Отдельные эпизоды знал близко к тексту, – первый восторг даром не прошёл, – и предвосхищать их и повторять было муторно (будто к какой-то контрольной готовился – матерьял закреплял) ... И только одно открытие нечаянно получилось, попутное, побочное. Выскочило, как джин из бутылки, огромное, и как бы распростёрлось предо мной. Время. Я разглядел его между строчек; время, когда я зачитывался этой самой «Мёртвой зоной», да просто жил (почти каламбур!): все эти рано начинавшиеся зимние вечера (темнело уже в четвёртом часу); на столе яркий свет лампы и густой, но уютный мрак вокруг; нечастые походы к бабушке в больницу, с непременноым возвращением потом к этой лампе и столу... Родители навещали бабушку не один раз в неделю, а я участие гораздо реже принимал. Помню такой случай; собрались однажды в больницу, бабушку проведать. Хотели взять и меня, да потом оставили дома. Будто бы у меня был уж больно несмелый вид. Отец решил, что я чего-то боюсь – больничной обстановки, бабушкиной переменившейся, жалкой наружности... чёрт знает чего. А на самом деле ничего я не боялся, мне просто не хотелось идти. Просто хотелось побездельничать, может быть, «Иностранку» с заветным романом в очередной раз перелистать – ведь была суббота.

Бабушка лежала в больнице, старший брат учился в институте, в В.... В те дни я узнал, что такое одиночество –

когда никто не стоит у тебя над душой – и полюбил его. Никто не опекал, не контролировал меня. Наслушавшись бешено обожаемой мною «Квин», вдоволь набренчавшись на гитаре (я подключал её к усилителю и воображал, что со временем – научусь не хуже, чем Брайан Мэй), я сам, без всяких напоминаний и окриков, садился за уроки. Я как будто другим воздухом дышал... И бабушка уловила эту перемену. Увидела, а может быть, просто догадалась. Как-то, во время очередной коротенькой межбольничной побывки, она заметила: «Тебе лучше без меня», – не спрашивала, утверждала, с обычной своей самодовольной такой ухмылочкой, а сама полулежала на кровати (ходить ей было тяжело). Я, кажется, ничего не сказал в ответ, даже не пожал плечами, пожалуй, удивился только, как точно она определила моё состояние.

Весной бабушка умерла – для меня начиналась четвёртая четверть. А начала умирать, когда у меня были каникулы, и агония длилась чуть не всю неделю. В последнюю ночь из комнаты бабушки слышалось странное хриплое бульканье – как будто спринцовкой тянули воду с воздухом пополам: что-то клокотало у бабушки в горле. Меня не допускали к дежурствам у её постели – единственного (хотя отец что-то выговаривал, ворчал: тебе бы тоже посидеть, бабушка-то за тобой ходила), но я тоже слышал эти звуки, они не давали мне спать. А когда я пришёл из школы, бабушка уже умерла. Мама рассказывала, как они с Олегом, они присутствовали в тот момент, по очереди приложили руку к левой бабушки-

ной груди – сразу после остановки сердца. «Как подушка», – описывала мама своё впечатление.

Я не то что бы наконец-то расстроился... Нет, я просто сделался каким-то бесчувственным, тупым. А пожалуй, мне даже было чуть-чуть интересно. Вокруг сновали озабоченные родственники... И три дня не надо было ходить в школу.

Да, как-то слабо я выражал свою скорбь, и это не могло сойти незамеченным. Тётя Маруся (мать Лиды), моя любимая тётушка, тоже, кстати, обожавшая меня, поймала меня понуро плетущегося по коридору, жестковато так прихватила, притиснула к себе рукой, и сказала что-то такое строго: почему это я, дескать, не плачу? Вон на старшего брата посмотри! Стоял у гроба на коленях и рыдал. А ты? Хоть бы проронил слезинку!

В самом деле. Даже над могилой у меня были в общем-то сухие глаза. Скроил только ужасно жалкую физиономию – жалел-то я самого себя, потому что меня уже достали – все эти упрёки в моей бесчувственности и сама она, эта бесчувственность. (Где-то я слышал потом, или читал, что на самом деле люди всегда только себя и жалеют, даже белугой ревмя над самым что ни на есть чужим горем, – значит, просто горе это тоже их касается, какой-то наносит им урон, а уж они этот урон и оплакивают... Должно быть, у Ницше.) Ну почему я такой? Почему я не могу взять да просто погоревать, как в таких случаях горюют все нормальные люди?

...Сейчас бы я поплакал, сейчас бы я поплакал, бабушка

над тобой, шептал мысленно я, забившись в угол громадного креслица, отброшенная книжка Стругацких где-то под коленом, глаза тупо уставлены вверх, к потолку, и на них в самом деле выступили слёзы. Дважды или трижды бабушка меня поняла, когда родичи – не понимали, только снисходительно фыркали в сторону или похлопывали по плечу; дважды или трижды толстокожая бабушка явила чудо... И, может быть, опять настал такой момент. Наше глубинное родство выявилось бы, пригодилось...

Мне показалось, кто-то идёт сюда. Я мигом встряхнулся. Трезво поглядел вокруг себя. Нет, просто отец или мать поднялись с дивана, чтобы свет включить, и вернулись обратно на диван. А у меня в комнате было сумрачно. Битлз, как тени, расплывались на стене. Надо завтра же снять... А сейчас – спать. Я вдруг почувствовал нормальный позыв ко сну, впервые на неделе...

Я пошёл в ванную чистить зубы. Родители ни о чём меня не спросили, когда я проходил мимо, когда шлёпал обратно. Мать сидела серьёзная, подавшись корпусом вперёд, вся устремившись к экрану. Отец – наоборот, откинулся назад, слегка развалясь, правая рука поверх спинки дивана, нога на ноге. Я всё-таки закрыл дверь – но показалось мало. Высунулся к ним в комнату, уже в трусах: «Сделайте потише...» – «Ты уже спать?» – удивился отец, а сам не отрываясь от телевизора. – «Угу...» – пробурчал я. – «Мы завтра часов в двенадцать уедем», – сообщил он, всё так же глядя

мимо меня. «Угу...» – опять ответил я. Больше мы ничего не сказали друг другу, а на следующий день вообще не виделись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.